

ТАЛА ТОЦКА
ДИНА АРЕЕВА

Девојку
ТАЛЕРА

Дина Ареева
Тала Тоцка
Девочки Талера
Серия «Талер и Доминика», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67965971
2022

Аннотация

В парике жарко, очки все время съезжают на нос. Весь этот маскарад дико раздражает. Но, кажется, прокатило, Тимур меня не узнал.

– Ладно, – он смотрит исподлобья, взгляд упирается в налитую грудь. – Мне нужны услуги няни круглосуточно.

– Понимаю, и могу заверить, что я... – из соседней комнаты слышится детский плач, а я чувствую, как на блузке проявляются мокрые дорожки. Это молоко бежит из груди.

Талеров меняется в лице и бросает через стол документы.

– Ты правда считаешь меня слепоглухим идиотом?

– Возьми меня няней, Тим, – плачу я. Я умею работать, и меня ничего не держит возле этого мужчины. Я найду способ сбежать и увезти свою дочь. Обязательно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тала Тоцка, Дина Ареева

Девочки Талера

Глава 1

Доминика

В парике жарко, очки все время съезжают на нос. В носу щиплет, хочется чихнуть, я отчаянно держусь. И вообще, весь этот маскарад меня ужасно раздражает. Но, кажется, на этот раз прокатило, Тимур меня не узнал.

– И какой у вас опыт работы? – спрашивает он. В его голосе мне слышится насмешка, но я старательно себя уговариваю, что это не так. Мне показалось, я просто себя накручиваю.

– Я работала воспитателем в детском саду, – стараюсь говорить низким голосом и негромко. Вживаюсь в роль тетюшки-училки, которую кроме работы ничего в этой жизни не интересует.

– Ладно, – Тимур осматривает меня с ног до головы. Его взгляд скользит по парику, очкам и почему-то упирается в мою налитую грудь. От страха потеют ладони, украдкой вытираю их об одежду и прячу за спиной.

Я нарочно выбрала объемную блузку, чтобы не так выпирала грудь. Если бы не жара, я бы надела пиджак. Грудь рас-

пирает от молока, у меня его много. Дома я сцеживаюсь по часам, чтобы оно не пропало, но сегодня специально не стала этого делать. Надеюсь, мне повезет, Тимур меня не узнает, и я смогу тайком покормить свою малышку.

Если бы он позволил мне хотя бы кормить мою девочку, клянусь, я пешком бы шла из своего городка сюда каждое утро. Но отец моего ребенка – каменная глыба, которую невозможно пронять ничем.

В третий раз я прихожу к Талеру, чтобы устроиться няней к своей дочери, которую после родов больше не видела. Тимур унес ее, забрав с ней мое сердце, и теперь я делаю все что могу, чтобы быть с ней рядом.

Два раза Тимур прогонял меня, и сегодня я решилась на отчаянный шаг.

Мама Олега со своей подругой Нинель нарядили меня в ее одежду, мы похожи по комплекции. Дали мне документы дочери Нинель, и я пришла устраиваться на работу.

– Мне нужны услуги няни круглосуточно, – говорит Тимур, а я стараюсь не смотреть ему в глаза. Боюсь, что меня могут выдать глаза даже под очками. Но сама при этом жадно его рассматриваю.

Его лицо, когда-то такое родное и любимое, стало совсем чужим. Даже не верится, что это он нес меня на руках в роддом. Что это он держал меня за руку и говорил все те слова, которые помогли мне родить мою девочку.

– Понимаю, и могу заверить, что я... – киваю так, что па-

рик чуть ли не слетает с головы, и вдруг замираю сама не своя.

Из соседней комнаты слышится детский плач, а я с ужасом чувствую, как быстро промокает блузка, и на ней проявляются мокрые дорожки. Это молоко бежит из груди, течет по животу, все белье на мне уже насквозь промокло.

Талеров меняется в лице и бросает через стол документы.
– Ты правда считаешь меня слепоглухим идиотом? – шипит он, нависая надо мной. – К чему этот маскарад, Ника? Я тебя сразу узнал, интересно было, на сколько тебя хватит. Сколько раз мне еще повторить, чтобы ты перестала сюда ходить? И что мне надо для этого сделать?

Я не обращаю внимания на его слова потому, что девочка за стенкой продолжает плакать. У меня уже вся блузка мокрая, я стаскиваю парик, снимаю очки и просяще складываю на груди руки.

– Она плачет, Тимур, – говорю почти шепотом, – позволь мне ее покормить. Пожалуйста... Мне очень больно, у меня болит грудь от молока, а ты кормишь ее смесью. Какой же ты после этого отец? Пожалей свою дочь, такой маленькой девочке нужно грудное молоко. Я покормлю и уйду, обещаю.

Тимур смотрит на меня исподлобья, затем поворачивается в сторону комнаты.

– Хорошо, – выходит сипло, и он прокашливается, – иди туда.

Садится за стол и накрывает руками голову, но я уже этого

не вижу.

Бегу, на ходу расстегивая мокрую блузку, влетаю в соседнюю комнату. Моя девочка кричит на руках незнакомой женщины, я бросаюсь к ней и выхватываю свою малышку. Очередной цербер, которого нанял Тимур, чтобы мне помешать?

Я готова сейчас воевать за свою дочь со всем миром, но к моему удивлению, женщина не старается мне помешать.

– Протрите грудь, – тихо говорит она и протягивает мне влажное полотенце.

Стягиваю блузку, расстегиваю клапан на бюстгальтере – у меня все для кормления, как и положено кормящим мамам. Наскоро обтираюсь полотенцем и прикладываю девочку к груди. Она начинает жадно сосать, хватается за меня своими маленькими ручками и всхлипывает обиженно, как будто выговаривает за то, что меня так долго не было.

Я тоже облегченно всхлипываю – наконец-то у меня получилось. Я держу на руках своего ребенка, прижимаю к себе родное тельце, кормлю ее. Мне так без нее плохо...

– Садитесь в кресло, вам будет удобнее, – женщина помогает мне сесть и выходит, напоследок окидывая нас на удивление теплым взглядом.

Моя девочка продолжает обиженно всхлипывать и причмокивать, а я беззвучно плачу, чтобы никто не услышал и не обвинил в том, что я заставляю ребенка нервничать. Все время вытираю слезы, чтобы они не капали на малышку.

Глажу пушистую темноволосую головку и не могу насмотреться. Она похожа на меня, от Тимура совсем ничего нет. Это мое маленькое чудо, как я теперь смогу оставить ее?

Тихонько, чтобы никто не услышал, пою колыбельную про котенка, который не хочет спать, когда уснули все детки. Ее пела мне мама, я помню до сих пор, хотя саму маму уже не помню.

Малышка засыпает, смешно прижимаясь крохотным носиком к моей груди, а я продолжаю петь, легонько ее покачивая, и не представляю, что сейчас придется оторвать ее от себя. Как мне упросить Тимура позволить остаться с ней?

Дочка сладко спит, вжавшись в меня щечкой, целую ее малюсенькие пальчики и вдруг чувствую на себе пристальный взгляд.

Тимур стоит в дверях и смотрит на нас, я машинально прикрываю грудь блузкой. Ткань подсохла и теперь стоит колом, но я не позволю Тимуру рассматривать себя. Здесь больше нет ничего, что могло бы ему принадлежать.

Мое тело только мое, и никакой мужчина мне больше не нужен, даже если это отец моей дочери. Даже если его зовут Тимур Талеров, и я любила его сколько себя помню. Теперь для меня самое главное – моя малышка, я нужна ей, и я должна быть с ней рядом. Любой ценой.

Тимур так и стоит в проеме. По его лицу ничего не разобрать, сейчас оно похоже на гипсовую маску, он весь как будто замороженный. И мне снова не верится, что это тот муж-

чина, который обнимал меня в роддоме, гладил по волосам и просил потерпеть.

Нельзя об этом думать, мне тогда снова захочется плакать, а его это только разозлит. И я лишь крепче прижимаю к себе дочку. Я уже умоляла, упрашивала, обещала и даже угрожала, все бесполезно. Но он может передумать ради нашей малышки.

Он любит ее, если он в принципе способен кого-то любить. Ей лучше со мной, и Тимур только что сам в этом убедился, а значит, я могу надеяться, что он позволит мне хотя бы к ней приходить.

– Хорошо, Ника, – размыкает он губы, – я беру тебя няней для своей дочери. Ты подпишешь трудовой договор, рекомендую внимательно с ним ознакомиться. Ты теперь такой же обслуживающий персонал, как и остальные сотрудники. И тебе следует знать, какие у меня требования. Если не будешь справляться или же меня не устроит качество твоей работы, договор будет расторгнут в одностороннем порядке.

– Я справлюсь, Тимур, – отвечаю, спокойно глядя ему в глаза, – можешь не сомневаться.

Я говорю правду. Я буду очень стараться, я умею работать, и мне все равно, что это дом Тимура. Он не стал моим домом, я никогда не чувствовала там себя уверенно. Меня больше ничего не держит возле этого мужчины. И я найду способ сбежать и увезти свою дочь. Обязательно.

Тимур

Смотрю на Нику, и внутри меня бушует настоящая буря. Мое проклятие. Мое искушение. Моя уязвимая точка. Моя черная дыра, в которой без следа исчезает все, что я перед этим надумал, стоит только взглянуть в ее темные как космос глаза.

Даже в очках я ее узнал и в этом дурацком парике. Да, да, я знаю, здесь должно быть совсем другое слово. Но я дал слово не материться – все помнят, да? И я его держу. Насчет секса тоже держу. Если честно, это вообще не напрягает.

Покажите мне нормального мужика, у которого в доме новорожденный ребенок, к которому надо вставать несколько раз за ночь. Какая у него самая большая мечта? Правильно, выспаться. И я сейчас тоже о сексе могу только помечтать целых десять секунд, пока не вырублюсь.

Но я хочу потянуть время, посмотреть, насколько ее хватит. Она настырная и упертая, теперь это совсем другая Ника, не та испуганная девочка, которую я привез на склад в своем багажнике. И не та, которая смотрела на меня восторженными глазами, а я как... ладно, пускай будет долбодятел, считал, что это все потому, что я такой прекрасный.

Все еще не могу привыкнуть, что она всего лишь расчетливая стерва. Но насколько же изменился ее взгляд, когда

больше не нужно притворяться! Он стал злым и холодным, и только когда Ника берет на руки дочку, я узнаю в ней ту прошлую Веронику.

Ее слезы обжигают мне сердце, от звука ее голоса у меня в голове полный бедлам. Я перестаю себя контролировать. Мне хочется подойти, сесть у ее ног, обнять колени и уткнуться лицом в руки, в которых она держит нашу дочь.

Точно идиот, клинический. Тот, кто предал однажды, предаст еще не раз. Слишком много лжи было намешано в наших отношениях, и я простил ее, это правда. Но забыть не получается, а как забудешь, если даже дочь – это результат ее обмана?

Я не должен подпускать Нику к себе, я ее знаю. Она снова пролезет в меня незаметно, просочится и растворится в крови. Станет моим воздухом, без которого я не смогу дышать, а потом снова предаст.

Не хочу больше чувствовать эту боль, но моя девочка так сладко спит у нее на руках. Как же я замахался один, кто бы только знал! Няни, как на подбор, мне попадают какие-то ущербные.

На первый взгляд няни как няни, но, когда очередная соискательница берет на руки мою дочь, внутри все переворачивается. Все бесит, все не так. Держит не так, смотрит не так, говорит с ней не так. И самое отвратительное, что я отчетливо понимаю – не просто не так, а не так как Ника...

Я знал, что она придет. Она уже приходила, дважды я лич-

но ее прогонял, а потом несчетное количество раз поручал это сделать охранникам. На меня весь персонал косится как на зверя, который отобрал ребенка у матери. И только я знаю правду, я и Демьян, но никому этого больше знать не нужно.

Узнал ее сразу, как только увидел из окна. Она шла по двору в бесформенной юбке, нелепой блузке, которая делала ее похожей на учительницу на пенсии. Очки, сумка, парик из серии «я упала с самосвала». Какой debil ее так нарядил?

Захотелось подойти, сорвать с головы это подобие прически, очки, блузку с юбкой. Выбросить к чертям и обнять. Сказать, что соскучился просто жуть как. Попросить, чтоб вернулась – если надо, на коленях. Она согласится, обязательно, пускай даже ради дочки.

Потому и попросил Нину Аркадьевну, горничную, принести малышку. Она новый человек в доме, Нику не знает. Я многих сменил, если было хоть малейшее подозрение на связь с Самураем.

Яростно мотаю головой, прогоняя чертовы мысли. Нет, я больше не позволю Нике проникнуть себе под кожу. Нельзя, мозги «плывут» уже только от одного ее присутствия. Или может это все от недосыпания...

Я смотрю, как она кормит мою дочь, и понимаю, что никого не найду лучше для ребенка. Ника качает малышку, тихо напевая колыбельную, целует ее пальчики, а я стараюсь не смотреть на прикрытую уродливой блузкой грудь.

Стоп, Талер, кажется, кто-то тут распинался, что ему не

нужен секс. Да, это правда, по крайней мере, пока, но мне однозначно нужна няня. И я ее уже нашел.

Глава 2

Доминика

Встаю с кресла медленно, чтобы не разбудить дочку.

– Давай ее мне, – говорит Тимур, протягивая руки, а я не могу от нее оторваться. Моя теплая девочка пахнет молоком, она спит, прикрытая блузкой, и мне кажется, что мои руки к ней приросли.

– Можно я еще ее подержу? – спрашиваю тихо, с мольбой заглядывая ему в глаза. Не знаю, зачем это делаю. Наверное, пытаюсь найти того Тимура, которого так долго любила.

Но его там нет, этот Тимур – непробиваемая гранитная скала, и я осторожно отнимаю малышку от груди. Она всхлипывает во сне и морщит носик, готовясь заплакать. Тим смотрит на нее, поджав губы, и начинает расстегивать рубашку.

Мы стоим в двух шагах от его спальни, и я изо всех сил прогоняю от себя воспоминания, как сама это делала. Тим часто меня просил помочь ему раздеться. Или одеться. Ему нравилось, когда я неторопливо продевала пуговицы в петли...

Прямо передо мной оказывается умопомрачительный мускулистый торс, где каждая мышца будто высечена из камня. Он тоже из моей прошлой жизни. Я старательно отворачиваюсь, наклоняю голову, чтобы отгородиться стеной волос –

своих собственных, парик валяется где-то в углу. Я даже глаза закрываю, но резкий голос Тимура заставляет вернуться в реальность.

– Это чтобы ты не ходила по дому голой, персоналу не обязательно видеть тебя без одежды.

Он набрасывает мне на плечи рубашку и связывает впереди рукава.

– Иди.

Торопливо переставляю ноги, молясь про себя, чтобы он не передумал. Поменьше смотрю по сторонам – все, что связывает меня с этим домом, больно. А мне нужны только положительные эмоции, разве я хочу, чтобы мой ребенок переживал вместе со мной тревогу и страх?

Значит, что бы со мной не происходило, я должна видеть только хорошее. Это несложно. Сегодня я шла сюда, надеясь просто увидеть свою дочь, а в итоге держу ее на руках целых полчаса. Покормила ее. Тимур даже взял меня няней, а это значит, что я буду все время находиться со своей малышкой, кормить ее, купать, гулять. Внизу у двери я видела коляску – она такая красивая! Я уже мечтаю, как положу туда дочку, и мы с ней пойдем гулять в парк.

Представляю и улыбаюсь, размечтавшись. Не замечаю ступеньку, спотыкаюсь, и в последний момент меня вместе с ребенком хватает в охапку Тимур.

– Если ты не будешь смотреть под ноги, когда у тебя на руках ребенок, вылетишь в ту же секунду, – он говорит, а сам

смотрит в сторону, как будто ему неприятно на меня смотреть.

А почему «как будто»? Просто неприятно и все.

– Извини, – улыбаюсь и говорю извиняющимся тоном, но Тимур так и не смотрит в мою сторону.

– Иди. Я тебя предупредил.

* * *

Детскую Тимур сделал рядом со своей спальней, и когда мы проходим мимо знакомой двери, мне хочется зажмуриться. Я была там счастлива за этой дверью, пусть недолго. И что бы Тим не говорил о лжи, я знаю, что наша дочь родилась от любви. Пускай это была только моя любовь, но она была. Мне показалось, или по лицу Тима промелькнула мрачная тень?

Спохватываюсь и прогоняю грустные мысли. Тимур открывает следующую дверь, мы входим в детскую, и я не могу удержаться от восхищенного возгласа:

– Тим! Как красиво!

Он бросает на меня удивленный взгляд, а я восхищаюсь абсолютно искренне. Комната оформлена в розово-лиловых тонах, все подобрано идеально, начиная с пеленального столика и заканчивая бантами на шторах.

Ясно, что здесь поработал дизайнер, но сама я ни за что не смогла бы сделать для дочки такую детскую комнату. Мы

подходим к кровати, над которой нависает развесистый балдахин с музыкальной игрушкой. Тимур развязывает рукава рубашки и забирает ребенка.

Он сам укладывает дочку в кроватку, а я смотрю, как бережно он поправляет ее головку, чтобы было удобнее. Как заботливо укрывает ее, как гладит ее пальчики – одним своим большим сразу все дочкины. Тимур очень старается быть хорошим отцом. Так может, все это чушь, что мы, детдомовские, не можем быть хорошими родителями?

Пока он склоняется над кроваткой, я продеваю руки в рукава рубашки – она большая, я могу завернуться в нее как в халат. Или я просто похудела? Блузку сворачиваю пятном внутрь и нерешительно осматриваюсь. Куда ее девать?

По-хорошему, мне нужно вернуться домой, переодеться, сложить вещи. Но стоит представить, что я выйду из этого дома, становится страшно.

Он передумает, переспит ночь и решит, что погорячился, когда взял меня на работу. И я больше не увижу свою девочку. От этой мысли даже в пот бросает. Нет-нет, нельзя никуда ехать. Попрошу у Тимура его старые футболки, которые не жалко – не станет же он жадничать.

– Ника, тебе, наверное, нужно съездить домой, забрать вещи, – он как мысли читает, и я поспешно его перебиваю.

– Нет. Не надо. Мне ничего не надо, Тимур, я могу так...

Он скептически смотрит на меня, я представляю, что он видит – огородное пугало в рубашке на пять размеров боль-

ше. Наверное, со стороны я выгляжу смешно, но Тимур не смеется.

– Ты можешь дать мне свою старую футболку, у тебя же есть футболки, какие ты уже не носишь?

Он снова смотрит на меня странным взглядом и кивает.

– Есть.

– А лучше рубашку, – и добавляю, смущенно отводя глаза: – В ней удобнее кормить...

– Хорошо, я попрошу горничную что-то для тебя подобрать, – соглашается Тимур, – но потом ты возьмешь водителя и поедешь за вещами. Тебе же надо вернуть все это барахло и документы. Я так понимаю, знакомые снабдили?

Снова смущенно отворачиваюсь, даже щеки начинают гореть. В его глазах я опять выгляжу лгуньей, способной на все, чтобы проникнуть в его дом. И каждый раз я делаю все, чтобы Тимур убеждался, что мне нельзя доверять.

Но без его доверия я проживу, а без дочери нет, так что свой выбор я уже сделала. И тут я замечаю, что в детской нет кровати для меня, только одно кресло.

– А где я буду спать, Тимур? – спрашиваю, оглядываясь.

Он поднимает на меня глаза, и я поражаюсь, сколько в них холода.

– Как где? У себя в комнате. Здесь есть радионяня, ты услышишь, если ребенок заплачет.

– Но так же неудобно, Тим! Ты не переживай, я могу и на раскладушке спать, и на надувном матрасе. Кормить лежа

даже удобнее, и я...

Его глаза становятся ледяными.

– Ты плохо меня слышишь, Ника? Обслуга не будет жить на одном этаже со мной и моей дочерью. У тебя будет своя комната, и будь добра, когда в твоих услугах не будет необходимости, постарайся оттуда не выходить.

Ошалело смотрю на Тимура. Обслуга? Он никогда не называл так свой персонал. Помощники по хозяйству, сотрудники, охрана – да как угодно, но только не обслуга. Тимур всегда был предельно вежлив с теми, кто живет в его доме, и никогда не позволял себе таких выражений.

Я представляю, что сказал бы на это Робби, и его выражение лица. Открываю рот, чтобы возмутиться.

– Что-то не так? – ледяным тоном спрашивает Тимур. Медленно качаю головой.

– Нн-нет, все нормально.

– Тогда пойдем, я покажу тебе твою комнату. Кстати, подумай, какой оклад тебя устроит. С учетом, что ты без опыта работы, без педагогического и медицинского образования, на много не рассчитывай.

– Мне не нужен оклад, – говорю торопливо. – Мне достаточно того, что я буду со своим ребенком.

– Об этом не может быть и речи. Ты будешь получать заработную плату как все мои работники.

Ну хоть не обслуга...

– Ладно. Тогда на твое усмотрение. И можешь забирать

ее в счет долга.

Тимур презрительно кривит губы:

– Тебе жизни не хватит, чтобы тот долг вернуть. И я уже предупредил, что тема закрыта. Не нарывайся на конфликт, Ника, если хочешь здесь работать.

Мне хочется встряхнуть его и крикнуть:

«Тимур! Не говори со мной так! Да, я обманула тебя, но посмотри на меня, это же я, Доминика!»

Но Тимур уже разворачивается спиной и уходит. Сцепляю зубы и иду за ним.

Он приводит меня в маленькую комнату за лестницей, где хранится спортивный инвентарь. Пропускает вперед, останавливается и вглядывается мне в лицо.

– Ну как, не передумала?

Пожимаю плечами и прохожу внутрь. Узкое окно на одну раму, зато открывается. Кровать поместится, небольшой шкаф тоже, а больше мне ничего не надо. Гораздо лучше, чем подвал или кладовая, которую, если честно, я ожидала.

Поворачиваюсь и говорю с улыбкой:

– Спасибо, Тимур. Здесь прекрасный вид из окна, так что меня все устраивает. Если организуешь спальное место, буду благодарна.

Окно ведет на задний двор и ворота для грузовых машин. Но дальше растут деревья и даже есть небольшая клумба, так что я почти не вру. Замечаю свернутые рулоном боксерские бинты – Тим наматывает их на руки когда боксирует.

Не удерживаюсь, провожу пальцем по плотной ткани, и на миг меня пробивает от накативших воспоминаний.

Тимур тоже дергается, будто его ударило током, но быстро берет себя в руки.

– Сейчас я распоряжусь, чтобы здесь убрали и поставили кровать. Пока можешь пообедать.

– Спасибо, я не голодна.

– В этом доме такое не обсуждается. Ты кормишь мою дочь, поэтому должна питаться правильно и регулярно. Это тоже входит в твои обязанности. Обсудите с Робертом меню с учетом рекомендаций врача, который будет тебя наблюдать.

Он уже доходит до лестницы, и я все-таки его окликаю:

– Тим! – а когда поворачивается, спрашиваю тихонько: – Ты придумал ей имя?

Он качает головой и на мгновение становится тем Тимуром, которого я знала в детстве.

– Почему? – спрашиваю еще тише.

– Потому что она – мое чудо, – отвечает он очень серьезно. – А разве у чудес бывают имена?

* * *

Захожу в кухню – Робби колдует у плиты, напевая под нос песенку. Он один, без помощников. Видимо, те сделали заготовки и испарились, мой приятель любит священнодейство-

вать в одиночку. Тихо подкрадываюсь сзади и начинаю подпевать.

Он роняет лопатку в сковороду, оборачивается, и я вижу в глазах такую невероятную радость, что спешу его обнять и спрятать на широкой груди свое зареванное лицо.

– Девочка Ника пришла навестить своего старого друга? – Робби отодвигает меня и внимательно осматривает с ног до головы. Я по-прежнему в рубашке Тимура, Талер отправил меня на кухню, так и не выдав одежду.

– Я теперь здесь работаю, Робби, – говорю, стараясь казаться веселой, хоть голос у меня дрожит.

Но Роберт мужчина умный и проницательный. Он порывисто притягивает меня и обнимает, говоря так, чтобы слышно было только мне.

– Я так надеялся, что этот упрямый баран одумается и вернет тебя, моя маленькая Вероника. Как же наша принцесса без мамы? Идиот, бестолковый идиот. Ну ничего, главное, ты здесь, и у ребенка будет мама.

– Няня... – шепчу, глотая слезы, – он взял меня на работу...

– Упертый идиот, – повторяет Робби и гладит меня по голове как маленькую. – Ничего, перемелется, мука будет. Он мне в последнее время вулкан потухший напоминает. Но вроде как потух, а оно ж дымится над головушкой, дымится. Значит, бурлит внутри лава, и как прорвет однажды, не будешь знать, куда спрятаться!

Вот откуда он такие слова находит, что слезы сами собой высыхают? Робби поднимает меня за подбородок и начинает тихонько петь:

А не спеши ты нас хоронить,
А у нас еще здесь дела...

Прижимаюсь лбом к его лбу и подпеваю, шмыгая носом:

У нас дома детей мал-мала,
Да и просто хотелось пожить¹

Мы оба смеемся, и оба сквозь слезы. Робби взъерошивает мне макушку и подмигивает:

– Ну что, для кормящих мам у нас отдельное меню! Садись, уже все готово.

Я удивленно смотрю на него:

– Какое меню?

Робби выставляет на стол красиво порезанную вареную грудку, тушеные овощи и нежирный сыр с сухариками. Наливает в высокий стакан компот из сухофруктов, еда так вкусно пахнет, что у меня даже голова кружится.

Растерянно разглядываю стол.

– Тимур говорит, надо обсудить с врачом... – но Робби меня перебивает:

– Все уже есть, Ника, вон у меня целая тетрадка исписана

¹ «Не спеши» – Владимир Шахрин, группа «Чайф», альбом «Дети гор», 1993 г.

этими докториными рекомендациями. Я тебя каждый день жду, душа моя, все глаза проглядел, – а потом заговорщицки снижает голос: – Ждал он тебя, Ника, вот хоть режь меня на кусочки, ждал. И готовился.

Сажусь за стол и закрываю лицо руками. Что же за человек такой непонятный этот Тимур, а Робби как будто мысли мои читает. Снова шепчет, наклоняясь к уху:

– Говорил я тебе, он не то, что пропащий. Просто как будто бродит в потемках, на преграды натывается и бьется каждый раз больно. А ты у него как лучик света, – он снова оглядывается и продолжает доверительно: – Его совсем эти потери подкосили, ты ешь, ешь, не отвлекайся.

– Какие потери? – жую, мне так вкусно, что я сейчас Робби съем.

– Да директор детдома, где Тим наш вырос, умерла. А еще девочка эта детдомовская, к которой Тимур был очень привязан, Доминика, тоже. Он, кажется, опекуном хотел стать, но не вышло.

Чудом не давлюсь курицей и быстро хватаю компот – запить.

– Как умерла? – бормочу и снова пью, чтобы скрыть смущение.

– Не знаю подробностей, но он черный ходил, Ника. А мне сказал: «Все, Робби. Нет ее больше, моей Доминики, умерла она». И все. Тяжело столько всего даже для такого как Тимур.

Глава 3

Доминика

Аппетит пропадает, как и не было, жую на автомате, боюсь себя выдать. Робби понял буквально, но я-то знаю, что Тимур имел в виду.

Он нашел мой дневник и Лаки. Проверить, что Доминика Гордиевская сменила имя на Веронику Ланину, дело одного дня. Особенно учитывая возможности Талерова.

Я для него умерла. Больше нет той маленькой Доминики, которая была, по его словам, всем, что у него есть. Осталась Ника – лживая предательница и воровка.

Я ведь сразу заметила, что он избегает называть меня полным именем, думала, это привычка. Нет, он оставил Доминике все то, что было хорошего в его памяти. А Нике досталось остальное.

Прикидываю, за сколько можно продать квартиру, которую отдала мне Сонька. Хорошо, если дадут десять тысяч, город маленький, и квартиры там дешевые. Но я не могу вот так продать квартиру и сбежать в никуда.

Сейчас нельзя об этом и думать, я не могу просто увезти дочь, меня найдут максимум через пару часов. Если я хочу исчезнуть, надо основательно подготовиться. А сейчас просто быть рядом с малышкой. И никто не должен догадываться о моих планах, даже Робби.

Пока я ем, входит та самая женщина, что передавала мне дочку. Тим говорил, это горничная.

– Тимур Демьянович попросил вас подняться к ребенку, пока в вашей комнате идет уборка.

Вскакиваю и, дожевывая на ходу, бегу из кухни. Робби машет тетрадкой и кричит вдогонку, что ждет меня на полдник и что мне положено шестипитазовое питание.

Я читала о грудном вскармливании, и сама знаю, что нужно много пить, даже если есть я много не могу. Поэтому с Робби мы будем видеться часто.

Перепрыгиваю через ступеньку, чтобы скорее оказаться наверху. Вбегаю в детскую – моя девочка спит, сладко причмокивая во сне. Опускаюсь на пол возле кровати, смотрю на нее через бортик и наглядеться не могу. Самой не верится, что я могу к ней прикоснуться, погладить щечку, поцеловать пальчики.

Внезапно раздается звук закрывающейся двери, поднимаю голову и только сейчас замечаю еще одну дверь, ведущую в соседнюю комнату. А соседняя комната – спальня Тимура.

Подхожу, поворачиваю ручку – не заперто. Осторожно открываю и заглядываю внутрь – Тим спит на кровати, подмывая под себя подушку, и у меня на мгновение сжимается сердце. Когда-то, в другой жизни, он так подминал меня, и мне совсем не было тяжело. Наоборот, мне нравилось.

Наверное, Тимур оставил дверь приоткрытой, чтобы

услышать, когда малышка проснется, а та захлопнулась от сквозняка.

Подхожу ближе и замираю. Во сне Тим совсем не такой, его лицо не похоже на защитную маску, которую надевают хоккейные вратари, чтобы защититься от удара шайбой.

Он тоже не спал эти дни, как и я. Я – от того, что меня разлучили с дочкой, а он от того, что пытался сам справиться с маленьким ребенком.

Хочется погладить густые жесткие волосы, колючие от щетины щеки, упрямый рот. Протягиваю руку – я прикоснусь еле слышно, он ничего не почувствует...

– Ника... – раздается в тишине полустон-полушепот. Тим подминает подушку сильнее и повторяет во сне: – Ника...

Медленно пячусь назад, пока не упираюсь спиной в прохладную стену. Нащупываю ручку двери, проскальзываю в детскую и закрываю дверь.

Ноги дрожат, снова опускаюсь возле кровати и ложусь на мягкий коврик, обняв себя за плечи. Моя дочь и ее отец спят, а я думаю о том, что никогда не смогу разгадать загадку по имени Тим Талер. И главное, я не уверена, надо ли мне ее разгадывать.

* * *

Тимур

Мне снится Ника. Сквозь сон слышу ее запах – тон-

кий, манящий, сводящий с ума. К нему примешивается еще один – сладкий, молочный запах моей дочки. И до меня только сейчас доходит, что моя малышка пахнет Никой.

Тянусь к ней, она не сопротивляется, подминаю под себя – я все помню, что обещал, и не собираюсь нарушать обещание. Просто хочется снова почувствовать ее под собой, пропустить сквозь пальцы шелковые пряди, провести губами по чувствительной белой коже.

– Ника... – шепчу, вдыхая знакомый аромат, – Ника...

Она ускользает из рук, плывет по воздуху и начинает таять, развеиваться как дым. Открываю глаза – Ники нет, есть подушка, которую я вжимаю в себя как раньше вжимал Нику. По-хорошему, в ней должна быть пробита неслабая дыра.

Отбрасываю подушку и откидываюсь на спину. Не могу поверить, что Ника рядом, в моем доме. Я жуть как боялся этого, и в то же время хотел до дрожи.

Она прибежала сразу, как только ей сняли швы и выпи-сали из роддома. Я уже знал, мне позвонили и отчитались. И я ждал ее, позволил охране впустить во двор и вышел на-встречу.

Ника стояла у ворот, обхватив себя руками. Увидела меня, глаза на миг вспыхнули, а мне будто кислотой по сердцу плеснули. Шипело и разъедало, я даже слышал, как оно шипит внутри.

Ждал, она скажет, что не может без меня, что я ей нужен. Что хочет вернуться ко мне. Что ее заставили, вынудили, за-

пугали. Не знаю, пусть бы что угодно сочинила. Всякой херне бы поверил, клянусь.

Но она только подбородок вздернула и глазами сверкнула.

– Я не к тебе пришла, Тимур Талеров. Я хочу видеть свою дочь и не уйду отсюда, пока не увижу.

Звездец меня накрыло. Сам не знаю, откуда хватило выдержки, но я даже не шелохнулся. Руки на груди сложил и ровно так заговорил, не истерил ни разу.

– Уходи, Ника, я все сказал.

Она сверлила меня своими глазами чернящими, а я хотел одного – чтобы ей больно было хоть немного так как мне. Она мне душу выжгла – дотла, до черной копоти, а я понимал, что где-то внутри, в глубине я даже рад. Зачем мне душа, если ее может так выворачивать?

Я думал, что больно – это когда бьют ногами, завалив на пол толпой. Когда руки выкручивают из суставов, что из глаз искры сыплются. Когда руки вывернуты, а тебе пробивают грудину коротким прямым. Когда в голову стреляют из снайперской винтовки. Так вот, херня это все, детский лепет.

Больно – это когда она смотрит на тебя пустым холодным взглядом и говорит:

– Да, я виновата перед тобой Тимур, но ты не меня наказываешь, ты наказываешь нашу дочь. Я нужна ей, она такая маленькая, как ты собираешься сам справляться?

– Я найду ей няню. А ты отсюда уйдешь, Ника. Я сказал, что для тебя в этом доме нет места, не вынуждай меня при-

менять силу, чтобы вывести тебя за ворота.

Она смотрела на меня неверяще, когда я разворачивался, подзывал Илью и отдавал распоряжения. Кричала мне вслед, что я бездушная сволочь. Как будто я этого не знаю. Я ушел в дом и не оглядывался, хотя ее отчаянный, ненавидящий взгляд жег спину не хуже напалма. Я был уверен, что она так просто не сдастся, и не ошибся. На следующий же день она бросилась под колеса моего автомобиля.

Я успел затормозить прежде, чем узнал Нику. Она ничего не говорила, только смотрела на меня как на врага. И я ничего не сказал. Вышел из машины, взял за локоть и усадил на переднее сиденье.

Сам сел за руль и повернул в сторону того городка, в котором ее беременной нашел.

– Тебе придется меня убить, Тимур, – она первой нарушила молчание, – но я не откажусь от дочери.

Не вижу смысла продолжать разговор. Мы не договоримся, потому что разговаривать не о чем. Позицию свою я озвучил, как поступать дальше – ее дело.

– Я буду приходить каждый день, – она все ещё пыталась достучаться, но я лишь плечами пожал.

– Как хочешь. У меня достаточно укомплектован штат охраны, чтобы тебя не впускать, Ника.

Больше мы не разговаривали. Она сидела, отвернувшись к окну, и угрюмо следила за несущимися мимо пейзажами. А я гадал, что за странные чувства переполняют меня, сто-

ит только подумать об этой девушке. Не говоря уже о том, чтобы увидеть.

Больше всего это похоже на ненависть. Я мало кого ненавидел в жизни, но хорошо помню ощущения, когда перехватывает дыхание и кажется, что голова горит огнем. Такое несколько раз было со мной в детстве.

Когда я стал старше, понял, что ненавидеть – это непродуктивно, это лишняя трата сил и энергии. И вот теперь меня накрывает тем же испепеляющим чувством. Так же сбивается дыхание, вот только горит уже все нутро, не только голова. Значит, я ее ненавижу?

Но почему тогда чем больше я делаю ей, тем больше стогаю сам?

– Ника, ты меня ненавидишь?

– Нет.

Она сидела неподвижно, подобрав коленки. На миг я представил, что мы едем к нам домой, в наш дом, где спит наша дочь.

И никогда в жизни я не ездил так медленно, как тем вечером. Была бы более длинная дорога, по ней бы поехал, только чтоб дольше она сидела рядом, на расстоянии протянутой руки, смотрела в окно, поджав губы. Пусть не разговаривала со мной, главное, что рядом.

Когда приехали, не стал выходить из машины, потому что не удержался бы и следом пошел. Но вот от того, чтобы схватить за руку, не удержался. Она остановилась, но и не обер-

нулась.

– Почему?

Думал, не поймет, о чем я, но она поняла.

– Тебя больше нет для меня, Тимур. Нельзя ненавидеть то, чего нет.

И тогда стало так херово, что я чуть не завыл. Она выдернула руку и ушла, а я еще сидел у нее под домом пока не опомнился. Дома маленький ребенок, очередную няню я выгнал в шею. Втопил педаль газа, развернулся на месте и рванул обратно.

Я хочу, чтобы она меня ненавидела, строила планы мести, мечтала о том дне, когда я сдохну, чтобы плюнуть на мою могилу. Все, что угодно, только не это холодное равнодушие в глазах.

Мне кажется, дочка хнычет во сне. Подрываюсь и бегу к двери. Родительский блок радионяни я распорядился поставить в комнате Ники. Влетаю в детскую и останавливаюсь, ошалевший.

Ника спит на полу, свернувшись в клубок возле детской кроватки на пушистом коврикe. Малышка хныкает уже громче, и она открывает глаза. Она еще не переоделась, до сих пор в моей рубашке – Армани, какой же еще. На груди два влажных пятна, и у меня все тяжелеет.

– Извини, пожалуйста, Тимур, – она смотрит испуганно, оглядываясь по сторонам, – я нечаянно уснула.

– Покорми ребенка, а я узнаю, что с твоей комнатой, –

говоря как можно более холодно и захлопываю дверь.

Кажется, для кого-то настали нелегкие времена, и этот кто-то не Ника.

Глава 4

Доминика

Я была уверена, что он меня прогонит. Как уснула, сама не знаю, наверное, меня убаюкало сладкое сопение моей девочки. Сквозь сон услышала ее писк, и когда увидела нависающее насупленное лицо Тимура, чуть сердце от страха из груди не выпрыгнуло.

Потому что он мне снился. Не настоящий Тимур Талеров, какой он на самом деле, а другой Тим. Каким бы мне хотелось его видеть. С открытым теплым взглядом и улыбкой.

Но надо мной нависает живой Тимур, который смотрит настороженно и с недоверием, и я в страхе вскакиваю с пола.

Показалось даже, что у него челюсти щелкают как у волка. Но он лишь говорит, что узнает про комнату, и чтобы я покормила ребёнка. И уходит.

Дверь можно закрывать и потише, но я не в том положении, чтобы указывать хозяину дома. А теперь еще и моему работодателю.

Молоко снова протекло на рубашку, стоило дочке заплакать. Бегу в ванную, быстро мою руки. Расстегиваю пуговицы, достаю из кровати свою девочку и сажусь в кресло.

Не могу глаз от нее оторвать, какая же она чудесная! Сначала малышка ест жадно, захлебываясь и причмокивая. А потом начинает баловаться. Улыбается, когда я щекочу ей

щечку, утыкается личиком мне в грудь.

Она уже давно наелась, но не отпускает меня, и мне самой хочется подольше с ней посидеть. Но на видео о грудном кормлении, которые я смотрела, говорилось, что нужно подержать ребенка вертикально.

Встаю, прижимаюсь щекой к крошечному лобику. Хожу с малышкой по комнате, рассказываю, как я ее люблю, как мы пойдём с ней гулять, какие там красивые растут цветочки и летают птички.

Она внимательно слушает и сопит мне в шею. Я бы часами так ходила, но спиной чувствую прожигающий насквозь взгляд.

Понимаю, что это Тимур раньше, чем слышу ровный голос.

– Ей нужно сменить подгузник. Ты не умеешь, давай мне ребёнка, я покажу, как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.